

СКАЗКА ПРО МАРЬЮ-ЦАРЕВНУ И ЗМЕЯ ГОРЫНЫЧА

Не знаю уж, была ли царица красавицей.
Впрочем, это не имеет большого значения.
Потому что Горыныча не спрашивают:
«Нравится-не нравится».
Раз царица — цап! — тащи в заточение.

Вот, значит, сидит царица в темнице.
Горыныч, как заведенный, кружит над ней.
Она, разумеется, плачет, томится.
Он тоже томится и пускает дым из ноздрей.
Царь с царицей, само собой, тоже плачут,
сосут валидол (что, в общем, понятно в их возрасте).
А витязи, как назло, мимо все скачут,
ни один паразит не сбавит скорости.
Вышел царь на дорогу, поднял свою длань
(это у царей так рука называется).
Все — мимо! Один только свесился с седла:
— Я бы, батя, с радостью. Да у меня смена кончается.
Другой, скакуна остановивши,
попросил поглядеть царицын портрет.
— Не обижайтесь, — говорит, — Ваше Величество,
но царицы бывают и покрасивше.
— Да это фото неудачное...
Куды там! Простыл уж и след.
Такие вот дела. Плачет царица.
Царь утешает: «Может, еще все образуется».
Царица бедная тоскует в темнице.
Да и Горыныч скучает: никто, мол, чужой-то нами
не интересуется.

Так проходит месяц, за ним другой.
Царице тосковать — и то наскучило:
ни один спаситель к ним ни ногой,
правда, Горыныч — не такое уж чучело.
Да и то сказать, без него в темнице
вообще была бы смертная тоска.
А так: что ни утро, в дверь тихонько стучится,
а подмышкой — клетчатая доска.
И идет игра в горынычевом замке:
то в шахматы, то в шашки — пока не станет темно.
Одна беда: как пролезет он в дамки,
так так надымит, что хоть прыгай в окно.
Она его, конечно, отругает.
Он, бедный, смущается. А что поделаешь — змей!
Проветряют комнату. И снова играют.

Так проходит триста шестьдесят пять дней.

То есть ровно двенадцать месяцев.
То есть — год. И говорит она:
— Слушай, Горыныч. Так любая женщина взбесится:
одно платье и пара туфель — одна.

Что стоишь, крылья свои растопыря?
Лети поскорее в мой папин дворец
и принеси три сундука... Нет, лучше четыре...
Ну, мама знает. Да пусть не забудет бус и колец!
И гляди, не заблудись в тумане.
Да не шатайся по злачным местам!
Он ей в ответ:

— Бу сделано, Маня!
Три ноги — здесь. Другие три — там.

Полетел. Входит. Ну, как говорится,
все кувырком пошло во дворце:
раз-раз — на стол накрывает царица,
царь раздувает самовар на крыльце.
Горыныч сидит и прям-таки млеет.
Действительно, царский прием. Красота!
А старики:

— Как там девочка — не болеет?
Скучает? Гуляет? Довольна? Сыта?
Узнали про шахматы и другие игрушечки:
— Ишь ты! А умела ведь только в лото.
Да вы не стесняйтесь, товарищ Змей, кушайте!
А ей не холодно без пальто?

В общем, как сели они ужинать,
три дня не вставали.

— Ну, — говорит Горыныч, — пора.
А царица тем временем собрала дюжину
сундуков всякого царевниного добра.
— Не тяжело, — спрашивает, — будет всё вам нести?
Горыныч от смеха затрясся аж:
— Да при моей, — говорит, — грузоподъёмности
разве ж это, извините, багаж?

Хвать сундуки и помчался над тучами.
Входит к царевне. Она вся — в слезах:
— Где ты пропадал? Я так соскучилась...

Тут он и брякнул:
— А полетели-ка в ЗАГС.
Она как раз примеряла платье атласное.
Так даже выронила:
— Не обижайся, — говорит, — ты очень мил...

И вообще... Я была бы почти что согласная,
если бы... Если б ты... Так не дымил...

Он как обнимет ее всеми шестью лапами:
— Все, — говорит, — Маня! Завязываю, — говорит. —
Курение, — говорит, — яд.

Она только шепнула:
— Ну, летим к маме с папою.
Пусть они, как полагается, нас благословят.

Чтоб описать их веселую свадьбу,
не хватило бы слов ни в одном языке.
А Горыныч все крякал:

— Эх, — говорит, — знать бы,
что все дело было, вишь, в табаке!

ГОРОД ДРЫНОВ

I

Богат и славен город Дрынов:
в нем триста семьдесят семей.
А правит городом Горыныч —
великий Змей, могучий Змей.
Он тут владычит, по преданью,
две тыщи лет. Две тыщи раз
сюда он прилетал за данью
день в день и, так сказать, час в час.

Не ранее и не позднее —
точь-в-точь седьмого сентября —
спешит народ на встречу Змея
и славит доброго царя.
Вот закружились карусели,
развеселилась детвора.
Вот бабы здравицу запели,
мужчины грянули: «Ура!»

И в центр города, на площадь,
уже ведут кто чем богат:
свинью, овцу, а то и лошадь —
под громогласное «Виват!»
Купцы несут мешки червонцев,
ткачи, сам понимаешь, — ткань...
Желтеют мёд и медь на солнце...
И наконец готова дань.

Всё пересчитано до крохи.
Змей благосклонно щерит пасть.
В похабных¹ шутках скоморохи
подспудно воспевают власть.
Вот Змей Горыныч всё сграбастал
в два безразмерных кулака,
взмахнул крылами, солнце застил
и полетел за облака!..

И снова тянет лямку Дрынов,
качели на ветру скрипят...
И снова: «Вот придет Горыныч...» —
пугают матери ребят.
А после, младших убаюкав,
латают их отцам портки.
«И не подавится, змеюка...» —
ворчат в потемках мужики.

II

Но нынче... Уж минуло лето,

¹ В детском варианте: задорных.

прошло шестое сентября.
Седьмого с самого рассвета
все ждут прибытия царя,
заправив кулебяки в печи,
а диск с кадрилью — в граммофон.
Буквально всё готово к встрече...
Но... Дело к ночи... Где же он?

Уже закончилось восьмое,
прошло девятое число.
Пропал Горыныч! Что такое?
У всех на сердце тяжело:
«Ему от века наши деды
служили, не жалея сил.
Делил он с нами наши беды
и все победы приносил!

Да и без власти жить нельзя же.
Он наш отец, в конце концов...»
И вот на поиски пропажи
помчались четверо гонцов:
на север, юг, восток и запад
несутся, зыряка вокруг
и вслушиваясь в каждый запах,
и нюхиваясь в каждый звук.

III

Пришла зима. По первопутку
плетется с севера гонец,
изнеможенный не на шутку,
шепча: «Пропал наш Змей-отец!
Но мы не сгинем и без Змея:
пришлось мне на колени пасть,
чтоб слёзно умолить Кощея
принять над нашим краем власть.

Уж он, бессмертное созданье,
не пропадет вот так, зазря.
Да, кстати, слуг пришлет за данью
он к нам седьмого декабря». —
И все утерли слезы счастья,
от сердца сразу отлегло.
Ура! Закончилось безвластье!
А время дальше потекло.

На первой мартовской неделе
с востока тащится гонец.
Бедняга дышит еле-еле:
«Увы, пропал наш Змей-отец!
Но чтоб беды не вышло снова,
чтоб нам, сиротам, не пропасть,
уговорил я Водяного
принять над нашим краем власть.

Да это ж козырная карта:
наш царь теперь — владыка вод!
За данью он седьмого марта
в ручье весеннем приплывет».
 Всплакнули дрыновцы от счастья,
 ведь тяжелее быть могло:
 безвластье хуже двоевластья.
 А время дальше потекло.

Ну вот и лето наступило.
И с юга, чуть живой, гонец,
ползет, собрав остаток силы,
и шепчет: «Сгинул Змей-отец!
 Но чтобы, потеряв дорожку,
 в кошмар безвластья нам не впасть,
 уговорил я Бабу-Ёжку
 принять над нашим краем власть.

Ликуйте, земляки: колдунья
избавит город наш от зла!
А подать соберет в июне,
седьмого, как всегда, числа».
 Тут стали все качать героя:
 «Уж повезло, так повезло:
 у нас царей отныне — трое!»
 А время дальше потекло.

А вот и осень на пороге.
Четвертый, западный, гонец,
хотя едва и тащит ноги,
но весел: «Найден наш отец!
 Веками наш союз испытан,
 и я искал его не зря!
 За данью — слышите? — летит он:
 седьмое нынче сентября».

Тут кто-то солнце в небе застил,
и, устремивши взоры ввысь,
все прямо взвизгнули от счастья:
«Кормилец! Как мы заждались!..»
 Но вот замолкли счастья клики...
 За днями снова дни летят...
 И: «Вот ужо придут владыки...» —
 пугают матери ребят.

А солнце спрячется за горы,
сопя, утихнут сорванцы.
«И не подавятся, обжоры...» —
ворчат в потемках их отцы.
 Так, освящая город Дрынов,
 доныне правят той страной:
 Кощей Бессмертный, Змей Горыныч,
 Баба-Яга и Водяной.